

Сквозь сомкнутые дремой веки проник настойчивый стук.

Я окончательно проснулся. Глаза воззрились в навес балдахина, ткань играла пестрящими узорами, переходящие из одно в другое рисунки точно ткались искусным мастером. Удивительно.

И стук в дверь вновь повторился.

Кровать чуть скрипнула, как только поднялся с нее. Холодный пол обжег пятки. К сожалению, обуви в комнате не было, не считая латные сапоги, поэтому я босиком пошел встречать раннего гостя. В окне ни луча, а кто-то уже заявился. Впрочем, я знал, кого ко мне занесло.

— Доброе утро, Ваша Светлость. — В глубоком поклоне протянул писарь. — Наступил новый день, а потому — приступим к делам.

— Какой час?

Мужчина, оттолкнув меня, прошел внутрь, на кровать тут же бухнулся гроссбух.

— Еще не пропели петухи. Но у нас и петухов-то нет, поэтому скажу проще: четыре часа сорок минут. — Он порадовался моей реакции: — Что же вы так скисли, милорд? Или позавтракали плохо?

— У меня и завтра не было. — Буркнул в ответ.

Пока писарь разбирался с записями, выглянул в окно. С высоты замка полоска света практически сливалась с горизонтом, но зарево все же выходило в небо, перекрашивая синий в голубой. Когда же глянул вниз, то увидел зевающих крестьян, выстроившихся у входа.

Через несколько минут мы с писарем просматривали дальнейший план обучения. Советник часто водил пальцем по страницам, приятный шорох клонил в сон, но тут же громкий кашель возвращал к реальности. Еще какое-то время гроссбух оттягивал разговор, пока пауза не подошла к концу.

Писарь указал на схематичный рисунок:

— По плану у нас сейчас две наиважнейшие вещи. Первая — смена внешности.

Показалось или ослышался? Неловкая пауза разорвалась комментарием писаря:

— Более того, есть вещи и поважнее. Причина, по которой вы вообще оказались здесь.

И он распростер руки, охватывая комнату. Нет, весь замок и мир, куда занесло неудачника с хронической амнезией.

— Ты говорил о внешности. Расскажи поподробнее. — Я дотронулся до лица. — Ты имеешь ввиду именно лицо?

— Положительно. — И встретившись с недоумением, исправился. — Именно так, мы изменим ваше лицо, милорд. Думаю, вы уже заметили некоторые... Кхм... особенности.

— О чем ты?

Желание посмотреть на себя в зеркало пересилило приличия. Зеркало притулилось в нескольких шагах от кровати, поэтому с места заглянуть не получилось. Пусть так, я подошел вместе с писарем к овальной пластине из начищенного серебра, где увидел...

Твою мать...

— Писарь, какого хрена?

— Милорд, не извольте беспокоиться, это временные неудобства. Давайте начнем с того, что вы...

— Какие, к черту, временные неудобства?! Да у меня вместо рта дырка, а глаз и вовсе нет! Только точки на месте носа, чтобы я не задохнулся!

Проклятье, это действительно я? Эта бледная кожа, лысая голова и плоское лицо?! Пальцы скользнули по щекам, скользнули по лбу, подбородку. Странно. Но я чувствую и нос, и глаза. Даже волосы кисточкой задела ладонь, почему я замер так резко.

Обернулся к писарю. Мужчина реагировал куда спокойнее, но во взгляде держалась тяжесть. Видимо, я его расстроил.

— Извини, я не специально. Сам понимаешь, я не помню ни кто я, ни где я. Даже своего лица не вижу.

— Впредь будьте спокойнее. Не пристало лорду голосить почем зря. Вам повезло, что крестьяне снаружи. — Тут он посмотрел в зеркало, куда уставился и я. Он произнес: — Зайдите в меню.

После открытия меню сбоку мигнула картинка с изображением латника с мечем. Причем, образ напоминал конкретно мои латы.

— Теперь, когда вы выбрали окно внешности, вы можете видеть...

— ...свое лицо.

Я заворожено смотрел на незнакомца, пялящего в ответ угрюмыми глазами. Правда, сколько я мысленно не менял выражения лица, изображение оставалось неподвижным. Отбросив баловство, я всмотрелся в черты. Грубые, но четкие, они подходили властному человеку, берущему чужое когда вздумается. Такие обычно шли в бандиты, как мне казалось. Единственной деталью, которая выбивалась из образа, оказались рыжие волосы.

Когда я насмотрелся на парящую голову, писарь вмешался в процесс, резко изменяя все черты лица. На глазах творились поразительные метаморфозы, совсем недавно на меня смотрел один человек, а теперь другой. И, признаться, он выглядел куда симпатичнее.

— Ваша Светлость, может, поучаствуете в процессе? Иначе я слеплю второго себя, ха-ха-ха~.

— Отсмеявшись, писарь куда более серьезно продолжил. — Это ваше лицо, а не мое. Кем вы себя видите?

— Кем, говоришь? — Я всмотрелся в облик. — Волосы, их бы покороче.

Тут же шевелюра потеряла в объеме и длине. Однако писарь взял лишка, о чем я сразу заявил. После того, как с волосами мы разобрались, я приступил к лицу. Глаза, я будто вспомнил

персонажа из детства. Холодный взгляд, прямой крупный нос, тонкие вытянутые губы — все признаки настоящего лорда. И передо мной за секунду предстал воображаемый бородатый герой.

— Так пойдет? — Писарь, видимо, устал от затянувшегося процесса.

— Погоди... Сделай его моложе. И добавь шрам.

Советник прыснул от смеха:

— Нарисованные шрамы не красят мужчину.

— Не знаю — почему, — но этот будто просится на переносицу.

Когда редактирование подошло к концу, я оценил результат.

Превосходно... Крутя лицо со всех сторон, я дрожал от нетерпения. Казалось, протяни я руку, и все — другой человек. Но что-то меня смущало. Точно, волосы. Рыжий цвет, насколько известно, считался признаком колдовства. Надеюсь, проблем у меня не будет, не очень хочется лишаться подобной изюминки.

— Писарь, надеюсь, меня не ждет костер за цвет волос?

И как-то неудачно он пошутил:

— Не могу знать, милорд. Очень может быть. — Когда я вздрогнул, представив картину с сожжением, писарь поспешил добавить: — Хотя, если не будете слишком часто хвастаться, завистники не тронут.

— Твою... писарь?!

— Молчу-молчу. А теперь, если позволите, я выберу вам благородное имя.

Советник не долго думал. Я не успел придумать собственный вариант, как он сказал:

— Иоанн. Иоанн Лайон.

На что мне оставалось только согласиться. Я легко догадался, почему именно Иоанн, но не громко ли будет использовать в качестве фамилии «Лев». Тогда писарь поспешил меня заверить — без громкого имени не будет громких побед. А так, народ всегда придумает, как окрестить повелителя.

На выходе из меню первым на глаза попало именно лицо. Я ощупал результат нашей работы, после чего отражение хмыкнуло. Да, достойная работа. И вот тогда я заметил, что все прошедшее время был в исподнем.

— Писарь, что насчет одежды? Не лат. — Поспешил сказать, когда этот хохмач с недоуменной физиономией повернулся к доспехам.

— Все устроим, Ваша Светлость. Только не раздевайтесь, боюсь, такого я не переживу.

— Ах ты!

***

Седьмой этаж встречал нас тяжелой громоздкой дверью. Еще в первый раз, когда мы с писарем бежали на крышу замка, я заметил этот ход в никуда. Запертая дверь не поддавалась даже хозяину замка.

А для писаря будто и не было преграды. Рука потянула круглую ручку, массивная створка поплелась в сторону. И тогда... Ничего. Внутри разгуливала пустота, ни одной бойницы не видно, даже светильники — и те погашены. Ситуация начинала беспокоить мой зарывавший живот.

— Милорд, маленькая просьба от верного слуги: когда войдете внутрь, придерживайте штаны. Боюсь, даже ваша твердолобость прогнется перед увиденным.

Я инстинктивно подтянул черные шоссы — средневековым аналогом штанов и колготок.

— Если ты снова пошутил, то будешь учить крестьян валить лес на собственном примере. — А сам одернул рукава на красной плотной тканевой куртке. Ноги тихо топнули, подгоняя кожаные сапоги. — Веди.

— Как вам угодно.

Во время переодевания писарь напомнил о причине, по которой я попал сюда. Честно, даже не задумывался об этом со вчерашнего утра. Больше беспокоили нескончаемые битвы, где голова дороже, чем наличие мыслей в ней. Нынче все слегка поменялось: свободное время позволяло взглянуть на «причину», а я взял и пошел смотреть.

И, кажется, не зря.

— Писарь?

— Да, милорд? — Он тоже прошептал это.

— У меня просьба. Для начала — новые штаны.

*****

Примерный облик Ивана — Иоанна Лайона